

М. Халанскій.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

А. А. ПОТЕБНИ.

(Изъ XVIII т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, изданнаго въ честь проф. Н. ф. СУМЦОВА).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“. Клочковская, 5.
1908.

~~2481/2/7/11g~~
2448.4/(44KD)708g

This image shows a blank, aged, cream-colored page, likely an endpaper or flyleaf from an old book. The paper has a slightly textured appearance with some minor discoloration and small dark spots, possibly due to age or handling. There is no text or other markings on the page.

М. Халанскій.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

А. А. ПОТЕБНИ.

(Изъ XVIII т. Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества, изданнаго въ честь проф. Н. Ф. СУМЦОВА).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“. Клочковская, 5.

1908.

V45
4/296
10 9 34 p.
VII

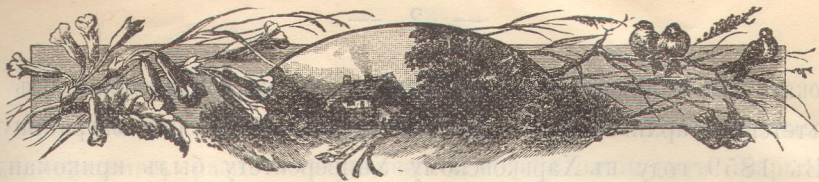
39338

21844

БИБЛИОТЕКА

МАТЕРІАЛЫ НАУКОВА

84 89 99 08

Матеріалы для біографіи А. А. Потебни.

Пребываніе А. А. Потебни въ Берлинѣ въ 1862—1863 году.

Шестидесятые годы вообще были въ жизни университетовъ русскихъ временемъ, когда послѣ долгаго перерыва правительство стало заботиться о пополненіи ихъ новыми преподавательскими силами. Окончившій въ 1856 году курсъ историко-филологическаго факультета А. А. Потебня въ числѣ первыхъ кандидатовъ былъ отправленъ Харьковскимъ университетомъ за границу, именно въ Берлинъ. О пребываніи Потебни въ Берлинѣ до сихъ поръ было извѣстно только то, что онъ самъ доносилъ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ отчетахъ о своихъ занятіяхъ (Извлеченія изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ министерствомъ за границу, для приготовленія къ профессорскому званію, (стр. 282—283 С.-Пб. 1863 г. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1862—1863) и что сообщилъ А. Н. Пыпину въ своей автобіографіи напечатанной въ прил. къ III т. Исторіи русской этнографіи. По счастливой случайности мы получили возможность воспользоваться новымъ въ высокой степени любопытнымъ матеріаломъ, относящимся къ этому періоду жизни нашего знаменитаго ученаго. Матеріалъ этотъ собственноручныя письма А. А. Потебни къ бывшему коллегѣ его по университету Ив. Егор. Бѣликову, впоследствии директору учительской семинаріи въ Бѣлгородѣ Кур. губ.

Письма эти содержатъ много чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ какъ для изученія хода внутренняго развитія А. Аф., такъ и для характеристики идейной стороны жизни Харьковскаго Университета въ шестидесятые годы. Намъ были переданы эти матеріалы въ полное распоряженіе сыномъ И. Е. Бѣликова, бывшимъ студентомъ нашего университета, черезъ посредство Окружнаго Инспектора Харьк. Учеб. Округа П. Б. Лукьянова и правителя канцеляріи г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа П. А. Ма-

линовскаго. Въ дополненіе къ нимъ мы приводимъ извлеченія изъ дѣлъ факультетскаго архива, касающихся отправленія Потебни за границу.

Въ 1859 году къ Харьковскому Университету былъ прикомандированъ кандидатъ историко-филологическаго факультета, со званіемъ старшаго учителя гимназіи А. А. Потебня для чтенія студентамъ, по опредѣленію историко-филологическаго факультета исторіи русскаго языка студентамъ 3-го и 4-го курсовъ. Въ 1860 году Потебня получилъ степень магистра.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго Университета въ засѣданіи своемъ 28 марта 1862 г. рѣшилъ довести до свѣдѣнія вышшаго начальства о томъ, «что онъ, съ своей стороны считаетъ необходимымъ въ 1863 году отправить за границу адъюнкта Потебню (уже представленнаго къ званію и. д. э.-орд. проф.) и пользуется нестоящимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе Совѣта на этого достойнаго и вполнѣ полезнаго преподавателя, успѣвашаго въ послѣднее время заявить свою непрерывную и усердную дѣятельность обширнымъ и полезнымъ ученымъ трудомъ, напечатаннымъ въ Жур. Мин. Нар. Пр., и занимающимся въ настоящее время приготовленіемъ диссертациі на ст. доктора. Факультетъ воздерживается отъ точнаго назначенія суммы для этой цѣли, позволяя себѣ только ея minimumъ въ 1000 руб. сверхъ жалованья.

3 августа 1862 года состоялось разрѣшеніе командировки Потебни на два года за границу съ ученою цѣлью.

По случаю отъѣзда Потебни изъ Харькова занимавшаяся имъ должность секретаря ф-та была поручена Петрову «до прибытія Потебни».

Маршрутъ Потебни былъ на Петербургъ. Поѣздка въ Петербургъ и впечатленія дорожныя и петербургскія описаны имъ въ слѣд. письмахъ И. Е. Бѣликову.

I

С.-Петербургъ 18 Августа 1862 года.

Редакція Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія вышлетъ на Ваше имя 30 экземпляровъ «Опечатокъ» къ моей статьѣ «Мысль и языкъ». Изъ нихъ 8 экзем. отдайте въ Университетскую Библіотеку для передачи Петру Алексѣвичу Лавровскому, 3—туда же (Библіотека Унив., Студентск. Библ. и Чирикову), себѣ оставьте по числу находящихся у Васъ экземпляровъ, а остальное приберегите для меня. Надѣюсь, что все это не отниметъ у Васъ много времени, и потому не извиняюсь.

О своей поѣздкѣ до Петербурга и о пребываніи въ ономъ (стопа-
цять болячокъ ёго батьковѣ на тому свѣті) не имѣю Вамъ сообщить ни-
чего интереснаго; развѣ слѣдующее: На разстояніи отъ Харькова до
Московской губ. кондукторъ дилижанса, въ которомъ я ѣхалъ, четырежды
билъ зубы ямщикамъ. Умилительно и назидательно было слышать, какъ
кашлатые и бородатые представители невѣжества ссылались на законы
гражданскіе и общечеловѣческіе, а представитель цивилизаціи отвѣчалъ
имъ только однимъ: молчать, такъ-то твою мать! За четвертымъ разомъ
я скромно замѣтилъ кондуктору, что онъ не имѣетъ никакого права бить
людей, и что если ямщикъ вздумаетъ жаловаться, то я засвидѣтельствую
справедливость жалобы, на что онъ, само собою, возразилъ, что мнѣ до
этого нѣтъ дѣла и что если я буду вмѣшиваться, онъ предоставляетъ
мнѣ кондукторство. Тѣмъ не менѣе отсутствіе всякихъ дальнѣйшихъ
угрозъ и совершенная кротость съ моей стороны должно быть его напу-
гаш. На другое утро онъ доложилъ остальнымъ пассажирамъ, что біеніе
по зубамъ совершалось для ихъ пассажирской пользы и что я человѣкъ
вредный. Въ силу этого трое изъ пассажировъ изъявили готовность за-
свидѣтельствовать, что кондукторъ, человѣкъ необыкновенно усердный къ
дѣламъ службы, *вовсе не билъ* ямщиковъ. Упомянутые правдивые свидѣ-
тели—тоже представители нашей цивилизаціи: *полковникъ* фонъ-Мензен-
камфъ, *чиновникъ* изъ капитула орденовъ и какой-то *помѣщикъ*, пристав-
шій къ намъ въ Тулѣ. Все люди еще молодые, поколѣніе еще не отжи-
вающее. Что касается до француженки изъ магазина и до паршиваго
грека, который давилъ меня всю дорогу, то они по незнанію рус. яз.
сохраняли въ этомъ дѣлѣ молчаніе; впрочемъ всю дорогу исправно ру-
гали наше варварское отечество и безъ сомнѣнія не сочли бы за грѣхъ
бить скотовъ.

Ой порісь ромень зъ тиномъ урі-

вень,

Ой нема, нема правди ни въ кому

Тільки въ единому Бозі;

А трава тай по облозі;

да можетъ быть немного въ мерзавцахъ мужикахъ и т. п., пока еще
ихъ бьютъ, а не они уже бьютъ.

Петербургъ обдалъ меня холодомъ. Не хочетъ, матері ёго ковінька,
бросаться въ мои объятія, чѣмъ жестоко уязвляетъ мое провинціальное
самолюбіе. Солдатъ отставныхъ, сохраняющихъ слѣды родного говора,
многое множество. Еще по желѣзной дорогѣ я слышалъ: «отъ знатимешъ,
якъ...» До громады здѣшней должно быть не доберусь. Не хочется себя
насплывать и налѣзать нахрапомъ на знакомства, а изъ прежнихъ зна-

комыхъ одинъ бы мнѣ пригодился, Мазанъ, да и тотъ лежитъ въ лазаретѣ и выйдетъ не раньше 10 сентября.

Прощайте, та згадайте у добру годину.

У насъ живо до сихъ поръ индоевропейское повѣрье о такой связи между людьми, которая не разрывается ни разстояніемъ, ни смертию. Напр. мать не должна долго убиваться по сынѣ, чтобъ ему легко было въ дорогѣ или на томъ свѣтѣ. На этомъ основаніи пьютъ—гуляютъ, «щобъ дома не журились». Такъ поэтому поминайте въ добрый часъ.

А. Потебня.

Последнія строки петербургскаго письма А. А-ча, упоминающія о «громадѣ», находятся въ несомнѣнной связи съ слѣдующимъ письмомъ къ нему, сохранившимся у И. Е. Бѣликова вмѣстѣ съ письмами Потебни, писаннымъ какимъ-то землякомъ изъ Полтавы 12 мая 1862 г. Конецъ письма не сохранился и потому остается неизвѣстнымъ авторъ его. Письмо это уясняетъ связь нѣкоторыхъ мыслей А. А. Потебни изъ Берлина какъ съ мѣстными харьковскими такъ и вообще малорусскими общественными интересами, возбужденными освободительнымъ движеніемъ 60-хъ годовъ. Кромѣ того это письмо имѣетъ несомнѣнный интересъ для исторіи украинскаго освободительнаго движенія, органомъ котораго сталъ журналъ «Основа».

12 мая 1862 г. Полтава.

Здорові були, шановний земляче Александръ Афанасьевичъ! Всѣмъ намъ учинилось вѣдомо, что Вы можете быть уѣдете за границу и посему, въ видахъ дѣла, не знаемъ,—радоваться или же печалиться объ этомъ, во всякомъ случаѣ весьма подходящемъ для Васъ обстоятельствъ. Шкода, шкода зъ сѣго боку: людей нашихъ ще скрізь мало, а про Харьківъ і казати нічого (якъ не стане Васъ, стричатиме одинъ тілки Александръ Антоновичъ); а часъ не жде, а противная партія, подъ покровомъ вышнихъ историческихъ воззрѣній и болѣе «трезвыхъ взглядовъ», проводитъ московскія тенденціи, нецеремонно и не совсѣмъ честно. Представителемъ такой дѣятельности въ Полтавѣ, судя по всему, что приходилось мнѣ слышать, есть г. Стронинъ, которому одинъ разумный человекъ замѣтилъ, что «пора бы вамъ перестать, любезнѣйшій, считать все то смѣшнымъ, гдѣ васъ пѣтъ»... Многимъ бы хотѣлъ я подѣлиться съ Вами, Александръ Афанасьевичъ, да это-то многое, при теперешней счастливой обстановкѣ, путаетъ меня нѣсколько. Итакъ въ томъ порядкѣ, какъ будетъ приходить на память.

Михайлъ Васильчъ съ однимъ полтавскимъ громадникомъ ѣдутъ въ Кіевъ, чтобы лично завязать знакомство съ тамошними людьми, разузнать подробно о дѣлѣ и завязать нравственно и матерьяльно полезныя сношенія между тремя главными пунктами Украйны (говорятъ, что Петербургская громада хочетъ просить официальнаго разрѣшенія Украинскаго клуба, такъ какъ Польскій клубъ уже существуетъ). Здѣсь въ Полтавѣ путемъ опыта, столкновений и т. д. пришли къ тому твердому убѣжденію, что въ настоящее время болѣе чѣмъ необходимъ нашъ «*Политическій Украинскій катехизисъ*», въ которомъ дѣло получило бы историческое и логическое оправданіе и, такъ сказать, сведено было бы къ рациональной догматикѣ: иногда лучшіе люди стоятъ въ тяжеломъ колебательномъ положеніи, не зная, куда примкнуть среди начинающагося броженія и раздѣленія партій—«тьма надъ языки». Съ этимъ запросомъ ѣдутъ наши и въ Кіевъ, чтобы застать тамошніе матеріалы и воззрѣнія по этому предмету, спросятся о немъ «Черниговцы, і до Васъ наше щире прохання: якъ що матимите годину—киньте на бумагу якъ попадає *Ваші думки і другихъ* нашого поля. Дѣло такъ важно, что мы не въ состояніи еще предвидѣть и результатовъ дѣльно составленнаго катехизиса:—со всѣхъ сторонъ просятъ уясненія и оправданія дѣла для нашихъ «безвредно-красныхъ» людей. Недавно мнѣ пришлось быть слушателемъ «Политич. исповѣди» довольно уважаемаго полтавскаго прогрессиста: не знаю, что сказать: и смѣшно, и пошло становилось, скверно... Не до многословія мнѣ теперь, скажу по истинѣ, а ей не утерпѣть. Вотъ вамъ вкратцѣ его изліянія: по службѣ онъ чиновникъ, по національности славянинъ, по жизненнымъ симпатіямъ—С.-Американецъ, въ выборѣ истинной дороги для спасенія нашего общества etc. онъ безраздѣльно схватился за военную революцію... и это изъ мыслящихъ людей г. Полтавы, даровитый ученикъ Щелкана, на мѣсто котораго я поступилъ въ кадетскій корпусъ! Нѣтъ, несравненно больше я вижу трезваго человѣческаго сознанія и серьезности взгляда на жизнь въ личности послѣдняго чиновника, мелочнаго торгаша: на ихъ сторонѣ тяжеловѣсящіе шансы—трагикомическое беспиліе личности и единство общаго знаменателя (сюда относится и нашъ общій, трезвомыслящій знакомый). Однако я далеко забрелъ въ сторону. И такъ—«Катехизисъ» *primo*, а *secundo*—необходимость обдуманной организаціи кружковъ, громадъ тожъ, и введеніе въ нихъ плодovitаго раздѣленія труда. Ходомъ дѣлъ мы уже понемногу захватываемся теченіемъ и не забываемъ, что отъ серьезнаго до смѣшнаго и т. д. И такъ Ваше мнѣніе объ идеѣ катехизиса и содѣйствіе его содержанію, равно какъ и Ваши мысли, замѣчанія объ организаціи громадъ (не найдете ли сред-

ство примирить такіа начала; возможно меньшее стѣсненіе личности и цѣлесообразное распредѣленіе дѣла).

Вчера получилъ письмо отъ Александра Антоновича и вижу, что г. Алчевскій принадлежитъ къ тому многочисленному классу людей, которыя, по выраженію одного психіатра, одержимы, неизлѣчимымъ «умственнымъ поносомъ» (*dissenteria mensis* (sic!)—должно быть такъ?). Пильчиковъ высказалъ ему въ письмахъ украинскіе принципы, образованный купецъ согласился, а изъ дальнѣйшаго явствуетъ, что этимъ людямъ все-равно, за чтобы ни хватиться, лишь бы пріобрѣсти мѣстную популярность мѣстныхъ цѣновщиковъ людской добропорядочности.

Мы никакъ не можемъ переварить мысли—какимъ образомъ юноша, сочувствующій украинскимъ принципамъ, хлопочетъ изо всѣхъ силъ о заведеніи въ Харьковѣ Публичной бібліотеки. Стоитъ только принять въ соображеніе тамошній людъ, серьезно всмотрѣться въ почву—чтобы оставить эти крайнія безплодныя увлеченія à la Балицъ; я уже не говорю о томъ, что эта затѣя образованнаго купца въ прямомъ противорѣчіи съ украинскимъ дѣломъ, что образованный юноша исключительно бьетъ тутъ на популярность; поэтому да позволено будетъ высказать наши желанія: нельзя ли какъ нибудь *отбить его отъ этой затѣи*, серьезнѣе уяснить ему положеніе и вытекающую отсюда практическую дѣятельность нашего направленія. Словомъ, отбить его отъ бібліотеки и преимущественно направить его денежные средства на газету украинскую, въ крайнемъ случаѣ хотя бы пріобрѣсти себѣ тѣ 200 руб. сер., которыя онъ уже ассигновалъ на газету. Найдется много и много даровыхъ сотрудниковъ; а тутъ съ мѣсяца на мѣсяцъ нужно ожидать паденія Основы. По словамъ Кулиша и всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ, главный виновникъ тутъ—Бѣлозерскій; цѣлая груда матерьяловъ, высылаемыхъ въ Основу изъ провинціи, гибнетъ безслѣдно. Словомъ, это человекъ неспособный дать дѣлу ничего, кромѣ аристократическаго сочувствія. Костомаровъ хотѣлъ было принять на себя редакцію, такъ не даетъ. Обо всемъ этомъ Кулишъ Вамъ подробнѣе расскажетъ; а тутъ уже схватились за мысль: *повернуть всю Украинскую литературу на страницы галицкаго Слова* или же могущаго въ такомъ случаѣ возникнуть при немъ періодическаго сборника—что ли. Львовская редакція съ радостью изъявила свое согласіе помѣщать все присылаемое изъ Украины.

Можетъ быть попробуютъ также писать въ «Русское Слово»—не согласится ли оно открыть Украинскій отдѣлъ до времени возникновенія новаго Украинскаго журнала въ столицѣ. Мнѣ кажется, что стоитъ

только (и тутъ вся трудность) *начать газету*, да исправно (конецъ письма не сохранился).

На поляхъ второй страницы приписка: Побалакайте и съ Кулишемъ про се. Винъ зъ Вами дуже хоче бачитця, якъ писавъ до Пильчикова.

Въ сентябрѣ 1862 года А. А-чъ былъ уже въ Берлинѣ и приступилъ къ своимъ научнымъ занятіямъ при Университетѣ.

Краткія свѣдѣнія о томъ, какъ по началу устроился А. А. Потебня въ Берлинѣ, находятся въ письмѣ его отца Афанасія Евфимовича къ тому же И. Е. Бѣликову изъ Ромна отъ 28 сентября 1862 года.

«Александръ мой въ Берлинѣ и предполагаетъ поѣхать въ Гейдельбергъ. Поможи ему Боже и пошли силъ. Нѣмецкая жизнь на первый разъ ему понравилась, а особливо дешевизна всего и избытокъ звонкой монеты. Квартира въ центрѣ города, прекрасное помѣщеніе съ мебелью, прислугою и завтракомъ (кофе) стоитъ 10 талеровъ (9 р. 40 к.).

II

Дальнѣйшія свѣдѣнія о занятіяхъ А. А. Потебни въ теченіе зимы 1862^{2/3} года находятся въ его собственныхъ письмахъ къ Бѣликову, писанныхъ безъ обращенія къ нему и безъ обозначенія датъ.

Въ моей матрикулѣ, взятой въ здѣшнемъ университетѣ, сказано: «*vir juvenis ornatissimus* такой-то, *Russus, studiosus philosophiae.*¹⁾ *data dextra jurisjurandi loco legibus magistratibusque academicis fidem, obedientiam reverentiam pollicitus, numero civium Universitatis Fr. Quil. Berol. legitime adscriptus*cest. Не знаю, обозначаютъ ли нѣмцамъ область, откуда кто родомъ, но что нѣмецкіе университеты признають и уважають мелкія племенные отличія своихъ студентовъ, доказательствомъ служатъ извѣстныя Вамъ (и мнѣ) по наслышкѣ корпораціи, *Landsmann schafften*. Нѣтъ ничего глупѣе и удивительнѣе, какъ подражать иностранцамъ на русскій манеръ;²⁾ но не дурно поучиться и у нѣмца дорожить сво-

¹⁾ Т. е. философа (историко филологич. физикомат. и ист. фак.)

²⁾ Сегодня я видѣлъ на художественной выставкѣ интересную картинку. На престолѣ сидитъ нѣмецкая промышленность въ видѣ бѣлокурой дѣвицы, придушей лень. Всѣ народы приносятъ ей дары: съ одной стороны англичанинъ съ рыжими баками, въ спокойной позѣ трутокъ, грекъ, коленнопреклоненный персіянинъ съ ковромъ; съ другой—китаецъ, японецъ, и на переднемъ планѣ лежащій ницъ русскій (какъ гласитъ подпись) въ сермягѣ съ латою на спинѣ (въ знакъ своей отверженности). Въ среднѣе вѣка жидъ носилъ на платьѣ латку другого цвѣта. У насъ ваторжники и пр. съ малахитовой, кажется, вазой. (Относительно вазы замѣтить, что въ Берлинскомъ, въ Портсдамскомъ и Шарлотенбургскомъ замкахъ много разныхъ вазъ, подаренныхъ въ Божѣ почившимъ нашимъ государемъ). Родство русскихъ съ японцами до нѣкоторой степени признается здѣшними уличными мальчишками. По крайней мѣрѣ мы съ Брллантовымъ слышали и принимали на свой счетъ слово *Japonesen*. Думаютъ ли наши англо-франко—и др.—маны, что напр. извѣстные своею народною гордостью англичане смотрять на насъ иначе? Впрочемъ смиреніе—великая добродѣтель.

имъ. Студентъ—*гражданинъ* университета; въ университетѣ имѣють мѣсто представители всего общества съ его мѣстными отличіями. Я хочу Вамъ напомнить свои (и ваши м. б.) фантазіи на эту тему.

Какъ вообще должна быть связь между явленіями общественной жизни, такъ вѣроятно есть она и въ томъ, что человѣкъ, мало сознающій свою связь съ народомъ и обществомъ, не сознаетъ и своей связи съ университетомъ, который, если не есть, то, кажется, долженъ бы быть микрокосмомъ общества, (разумѣется съ извѣстными ограниченіями). Университетъ прикрѣпленъ къ почвѣ, и поэтому лжекосмополитъ (истинныхъ нѣтъ на свѣтѣ), который считаетъ себя гражданиномъ только вселенной, не будетъ себя считать прикрѣпленнымъ къ университету.

Признаться и некосмополиту слѣдуетъ идеализировать образъ извѣстнаго университета, т. е. видѣть его въ свѣтѣ будущаго, а не настоящаго, чтобы чувствовать свою связь съ нимъ. Въ сущности это требованіе совершенно практично. Оно исполняется кой въ чемъ. Напримѣръ, порядочный человѣкъ можетъ сознавать многія преимущества чужого народа передъ своимъ, но когда прійдется подвести итогъ и сказать, что чужой народъ вообще лучше своего, онъ откажется отъ логическаго вывода, потому что не только знаетъ исчислимыя признаки своего народа, но и живетъ его надеждами, чувствуетъ въ себѣ его будущее. Это похоже на то, что человѣкъ желаетъ себѣ ума, красоты другого, но стать вполне этимъ другимъ, вымѣнять свое *я* на чужое не хочетъ.

Я думаю каждый изъ русскихъ университетовъ, самъ того не зная, отражаетъ въ себѣ особенности своего края. Мы, харьковцы, не замѣчаемъ своей оригинальности до тѣхъ поръ, пока видимъ только себя. Но не только издали, даже на мѣстѣ нельзя не замѣтить очень характеристичной разобщенности студентовъ между собою и профессорами. Первая условливаетъ вторую. Въ Казани, напр., между студентами есть связь, и потому они являются силою и съ бою берутъ связь съ профессорами. Профессора почти такіе же, какъ у насъ, если не хуже, а между тѣмъ (какъ говоритъ одинъ юный казанскій докторъ, съ которымъ я здѣсь познакомился) нѣтъ ни одного, у котораго бы не было своего студенческаго кружка. Казанскіе студенты, какъ вамъ м. б. извѣстно, прогоняють профессоровъ, дѣлають имъ замѣчанія (въ родѣ слѣдующаго: «не пейте (имя, отч.), не negliжируйте клиникую, а то мы принуждены будемъ и пр.), имѣють вліяніе на выборы. Мой казанскій докторъ, разсуждая объ отношеніяхъ профессоровъ къ студамъ, высказалъ между прочимъ, что «профессоръ—покорный слуга студентовъ» (это примѣненная къ университету теорія *уничтоженія* сословныхъ отличій, которая

на практикѣ можетъ окончиться не уничтоженіемъ, а измѣненіемъ отно- сительнаго положенія сословія; въ нашемъ случаѣ, если студентъ, оста- ваясь студентомъ, захочетъ быть наставникомъ профессора, то профессоръ станетъ чѣмъ-то въ родѣ студента, только похуже). Я, въ отвѣтъ на это, неосторожно называлъ студентовъ студентиками и сказалъ, что ничѣмъ покорнымъ слугою быть не намѣренъ. И въ самомъ дѣлѣ, не желалъ бы я нашему университету ничего, ни студентскаго, ни профессорскаго деспотизма. Я, какъ студентъ, не могъ бы уважать профессора, который бы былъ моимъ покорнымъ слугою. Нужно быть скотиною и чувствовать свою научную и нравственную слабость, чтобы стараться выѣзжать на угожденіи прихотямъ толпы. Но съ другой стороны эта толпа имѣетъ свои права, которыя должны быть уважены, если она перестанетъ быть толпою и станетъ разумнымъ обществомъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы въ нашихъ студентахъ развилась мысль, что они больше чѣмъ профессора отвѣчаютъ за будущность университета. Больше по слѣд. причинѣ: профессора у насъ набраны Министерствомъ со всѣхъ концовъ земли. Что до нѣмцевъ, то отъ нихъ даже нельзя требовать доброжелательства Русскому университету—удобнѣ вельблodu пройти сквозь уши иглы, чѣмъ нѣмцу принести пользу Россіи. Изъ русскихъ лучшіе чувствуютъ себя въ Харьковѣ чужими; ихъ мѣсто было бы на родинѣ. Туземцевъ профессоровъ мало, но студентовъ туземцевъ много. Если они признаютъ университетъ за свой, то пусть и заботятся чтобы со временемъ дѣйствительно сталъ нашимъ. Какъ заботиться— объ этомъ нужно подумать. Нельзя отвѣчать за результаты, которые мо- гутъ быть не разъ уничтожены стеченіемъ обстоятельствъ; но можно отвѣчать за чистоту и постоянство своихъ намѣреній; поэтому прежде всего всѣмъ нужно желать добра университету. Потомъ нужно изъ себя готовить профессоровъ, стало быть нужно заниматься. Слышны жалобы на то, что профессора не замѣчаютъ даровитыхъ студентовъ, не замани- ваютъ ихъ для науки (извѣстное дѣло, что добраго нужно самому искать). Пусть студенты замѣчаютъ, кто годенъ для каедры, пусть такихъ по- оощряютъ, рекомендуютъ, пусть обязываютъ ихъ сами искать мѣста при университетѣ, и пусть жалуются на профессоровъ тогда, когда всѣ ста- ранія ихъ будутъ безуспѣшны. Съ другой стороны протестъ товарищей противъ оставленія при университетѣ людей неспособныхъ могъ бы имѣть силу и теперь. Формъ, въ какихъ это должно дѣлаться, опредѣлить за- ранѣе нельзя. Можно сказать только, что если студентскіе выборы, будутъ руководиться личностями и т. п., то будутъ побиты. Если мы

идемъ противъ закона, то правда должна давать намъ силу. Если не будетъ правды, то лучше прикрывать закономъ свое безсиліе.

Мы говорили, что будто бы нашлись въ Харьковѣ люди, готовые дать денегъ для содержанія чловѣка, котораго бы студенты выбрали для оставленія при университетѣ. Я этому не вѣрю, но желаю. Прежде чѣмъ заботиться о приобрѣтеніи вліянія, нужно заслужить право на вліяніе; прежде чѣмъ преобразовывать большое общество, нужно преобразовать себя и свое ближайшее маленькое общество. Студенту ближе всего стать самому, положимъ, украинцемъ, потомъ стараться сдѣлать университетъ украинскимъ. Т. обр. онъ сосредоточиваетъ свои силы, а не разбрасываетъ ихъ по сторонамъ. Другія цѣли хороши, но студенту не достижимы. Гоняясь за ними, онъ рекомендуетъ себя представителемъ той части нашего общества, въ которой всякій хочетъ быть выше своего состоянія. Какъ не согласно подобное недовольство съ украинскими стремленіями, можно видѣть изъ того, что такое же самое недовольство приводитъ къ отреченію отъ своей народности: «сапожныхъ дѣлъ *майстеръ* Гайдебуренковъ», не хохоль, стало быть, не мужикъ. Такимъ образомъ только либеральныя студенты обижаются, если имъ указываютъ на мѣстный кругъ дѣятельности студента и говорятъ, что есть круги по-шире (но, замѣчательно, не обижаются тѣмъ, что барышни ихъ больше любятъ, чѣмъ тѣхъ полноправныхъ и полнолѣсныхъ гражданъ, которые (могли бы дѣйствовать, хотя и не дѣйствуютъ на болѣе широкомъ полѣ).

Что до связи нашей разобщенности съ особенностью края, то ее предполагали уже многіе. Кажется, она есть слѣдствіе того, что мы не сознаемъ своей племенной особенности и вмѣстѣ не признаемъ своего тождества съ окружающею насъ Москвою.

Въ Кіевѣ и украинцы и поляки держатся кучи. (Впрочемъ, поляки—вездѣ, именно, въ силу своего національнаго сознанія). И понятно: есть во имя чего держаться. А у насъ ради чего? Научные интересы не пробуждены, при томъ они связываютъ при существованіи другихъ связей; внѣшней общей опасности нѣтъ; сознаніе своихъ преимуществъ передъ остальнымъ обществомъ падаетъ; кутежи общей связи не требуютъ, при томъ же и выводятся. Если не спасетъ идея національности, которая одна способна пробудить и любовь къ наукѣ и искусству и разумныя гражданскія стремленія, то университетъ осужденъ на продолжительное ничтожество. Разобщенность предполагаетъ въ лицахъ, составляющихъ общество, преобладаніе эгоистичныхъ стремленій. Нечего доказывать дѣйствительности такихъ стремленій въ массѣ нашихъ студентовъ (для примѣра—ходъ тѣхъ предпріятій, которыя требуютъ незначительныхъ, но

постоянныхъ пожертвованій трудомъ или временемъ). Слѣдуетъ признать связь съ этой болѣзною университетской молодежи многихъ явленій частью общерусской, частью только малорусской общественной жизни на пр. лучшія силы края отливаются на службу въ столицы или въ города, и. ч. тамъ больше даютъ денегъ и тому подобнаго, тамъ больше *удобствъ* жизни, причемъ забывается, что сердце Малороссіи не городъ, а село. На это тему можно писать много. Замѣчу только, что сознаніе народности наоборотъ предполагаетъ пожертвованіе личныхъ интересовъ въ пользу народа. И такъ отъ нашей ненародности наша разобщенность, эгоизмъ, общественная слабость; стремленіе къ сознанію народности — вмѣстѣ стремленіе къ связи, къ освобожденію себя отъ господства грубыхъ личныхъ интересовъ, и общественной силѣ, какъ слѣдствіи силы личности. Единственно прочный прогрессъ тотъ, который начинается съ личностей и отъ нихъ расходится кругами, который идетъ изнутри общества.

Если хотимъ связи университета общества, всего народа — прежде всего очистимъ свои сердца и помышленія. Власть, влияніе, матеріальная сила приложатся сами собою.

III

Второе письмо, также безъ обращенія къ Ив. Егор. Бѣликову, также безъ обозначенія даты, такъ же, какъ и первое на почтовой бумагѣ большого формата, но иного достоинства, болѣе плотнаго качества:

Здѣсь въ Берлинѣ тоска одиночества, о какомъ я не имѣлъ понятія на родинѣ. Болѣзненное нравственное и физическое состояніе, которое никакъ не могло быть устранено ни гуляньемъ «подъ липами», ни театромъ, ни чтеніемъ санскритской грамматики, заставило меня прибѣгнуть къ легкому чтенію (Кстати замѣтить: библіотекъ для чтенія (Leih-bibliotheken) здѣсь множество, залогъ талеръ, за чтеніе (одну книгу на домъ) $1\frac{1}{2}$ талера въ мѣсяцъ). Первая прочтеная мною книга (Риля «Cultur studien») обратила мою мысль къ Вамъ и нашимъ общимъ обстоятельствамъ. Съ Рилемъ я до сихъ поръ былъ вовсе незнакомъ, даже по извлеченіямъ въ русскихъ журналахъ. Тѣмъ освѣжительнѣе подѣйствовала на меня вынесенная изъ этого чтенія увѣренность, что мы въ своемъ закоулкѣ не оторваны отъ болѣе видной умственной дѣятельности запада, что, когда пріидетъ время, въ разныхъ головахъ рождаются въ сущности однѣ и тѣ же мысли, однимъ словомъ, что путь самообразованія въ народномъ

духъ, о которомъ мы говорили въ Харьковѣ, есть истинный для нашего времени путь, отклоненіе отъ него—болѣзнь русской цивилизаціи.

На этотъ разъ сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, вызванныхъ чтеніемъ статьи Риль «Наше (нѣмецк.) музыкальное образованіе» (письма къ одному государственному человѣку). Въ послѣднемъ письмѣ Риль говоритъ: я писалъ эти письма къ Вамъ, не музыканту. Вы не музыкантъ, но государственный человѣкъ, и съумѣете прочесть глубокую связь бѣдственнаго положенія нашей музыки со всею нашею внутреннею жизнью даже тамъ, гдѣ я на эту связь не указывалъ; вы не играете на фортепьянѣ и не поете романсовъ, но какъ человѣкъ со всестороннимъ образованіемъ ясно видите значеніе этого высокаго искусства въ ходѣ нашей цивилизаціи. Пора уже смотрѣть на музыку не съ одной только музыкальной точки зрѣнія. Музыканты ремесленники сами унизили музыку¹⁾ и ругаютъ диллетантовъ. Между тѣмъ съ давнихъ поръ именно диллетанты писали исторію музыки, они положили основаніе ея эстетикѣ, они вынесли на свѣтъ зарытыя сокровища старинной церковной музыки, они призвали къ жизни музыкальныя общества (*Oratorienvereine, Sängerbünde*). . . И такъ пусть ругаются музыканты: мы отомстимъ имъ неутомимымъ стараніемъ возвысить музыку, не для личной славы, а во славу искусства. Конечно, есть нѣкоторая разниа между такими диллетантами, какъ Риль, и нами. Его ухо съ дѣтства привыкло къ сложнымъ формамъ нѣмецкой «классической» музыки; въ молодости онъ образовалъ свой вкусъ упорнымъ изученіемъ старинныхъ музыкальных памятниковъ и т. д. Объ себѣ намъ и говорить нечего. Но одно б. м. приближаетъ насъ къ нему: искра любви къ дѣлу, память о тѣхъ рѣдкихъ мновеніяхъ, когда родные напѣвы возвышали насъ надъ низкимъ уровнемъ нашей будничной жизни, желаніе прославить себя не личною славою, а музыкальною славою народа. Для ясности прибавлю, что извѣстная доля эгоизма въ этомъ послѣднемъ желаніи есть, но она не устранима, а вполне можетъ быть совмѣщена съ личною скромностью; колбасникъ, «у котораго въ Швабіи свой король есть», можетъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ оставаться не болѣе, какъ колбасникомъ.

На вопросъ, зачѣмъ нужно музыкальное образованіе, можно отвѣтить другимъ вопросомъ, зачѣмъ нужна музыка? Неберусь отвѣчать на это удовлетворительно, но не трудно замѣтить слѣдующее: Несомнѣнно, что человѣкъ вездѣ и всегда стремится ставить внѣ себя (объективировать) исключительно личныя явленія своей жизни и т. д. дѣлать эти

¹⁾ Быть можетъ и Вы, подобно мнѣ, замѣтили, что музыканты, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, большею частью ослы. Прим. Потебни.

явленія *достояніємъ* своей и чужой мысли. То, что происходитъ въ насъ помимо нашего вѣдома, то еще не вполне наше; только *сознанное* можемъ назвать своимъ. Сознвая, т. е. подвергая дѣйствию своей мысли то, что невольно вытекаетъ изъ нашей природы, мы *видоизмѣняемъ* для себя эти невольныя явленія. Но сознаніе немислимо безъ «объективированія», безъ выраженія внѣшними, чувственными средствами безобразнаго содержанія нашей личной жизни»: поэтому сознаніе измѣняетъ это содержаніе не только для меня лично, но и для другихъ. Безъ сознанія не было бы ни связи между людьми (общества въ общирн. см.), ни движенія впередъ (прогресса, исторіи); жизнь человѣка была бы вѣчнымъ повтореніемъ тѣснаго круга явленій, установленныхъ внѣшними обстоятельствами, т. е. человѣкъ былъ бы скотиною. Сознаніе происходитъ посредствомъ слова и искусства; слѣдовательно музыка — одинъ изъ органовъ, агентовъ, создающихъ исторію. Само собою, въ музыкѣ человѣкъ и народъ сознаетъ не тѣ стороны своей внутренней жизни, что въ наукѣ, поэзій, живописи и пр., и, что главное, сознаетъ не такъ. Не смотря на это (вѣрнѣе: вслѣдствіе этого) есть тѣсная связь между судьбами музыки съ одной и всѣхъ явленій общественной жизни съ другой стороны. Неправильное музыкальное развитіе или полное отсутствіе музыки въ жизни лица или части народа (весь народъ безъ музыки не мыслимъ) есть болѣзнь сознанія, которая необходимо выразится и во многомъ другомъ. Риль замѣтилъ нравственную порчу сельскаго пѣмецкаго населенія именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже вовсе не поютъ или гдѣ модная городская музыка вытѣснила народную пѣсню. Нѣтъ нужды указывать вамъ на соотвѣтствующія этому явленія въ жизни Украинскаго народа. (Кстати: важно было бы собрать значительное число фактовъ, характеризующихъ связь музыкальнаго разврата съ нравственнымъ паденіемъ, замѣтнымъ мѣстами въ нашемъ народѣ, и участіе въ этомъ солдатской и городской музыки).

Изъ сказаннаго отчасти видно, въ чемъ состоитъ правильность или неправильность музыкальнаго развитія народа. Въ голосѣ пѣсни, въ музыкѣ вообще сознаются ничѣмъ другимъ невыразимыя стороны *нашей* жизни. Если эти стороны дѣйствительно *наши* и если *они* именно выражены въ пѣснѣ, то пѣсня намъ необходима, составляетъ часть насъ *самихъ*. Но если звуки высказываютъ ¹⁾ *не наши* чувства, или если въ пѣснѣ «во грѣхамъ» нѣтъ такихъ чувствъ, которыя требуютъ художественнаго выраженія, а мы поемъ, то очевидно пѣсня идетъ не отъ сердца: состояніе подобное тому, когда говоримъ безъ мысли или не то,

¹⁾ По народному вѣтному взгляду звуки говорятъ: «струна струні тихо промовляє».

что думаемъ. Наши высшіе классы въ музыкѣ говорятъ постоянно безъ мысли или не то, что думаютъ. Всѣ наши концерты, послѣ которыхъ остается въ головѣ только легкій дымокъ, всѣ эти домашнія музыкальныя упражненія дѣвицъ, доводяція до того, что музыка совсѣмъ бросается по выходѣ замужъ, служатъ прямыми доказательствами болѣзни общества. Напротивъ наши селяне, гдѣ еще нетронуты идущею сверху цивилизаціей, поютъ правду, а не ложь. За доказательствами обратитесь къ Жемчужникову (Зап. о юж. Р., Основа) и къ своей памяти. «Здорово (въ музык. отнош. и въ друг.) то, что истинно и не поддѣльно. Пѣсня, коей форма и мысль выросли въ самомъ народѣ, которая выражаетъ только то, что извѣстная часть народа чувствуетъ, понимаетъ, призвана и принуждена высказать въ звукахъ, есть всегда истинная и здоровая пѣсня. Она можетъ быть бѣдна и неправильна въ эстетическомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе она—здоровая и истинная пѣсня, п. ч. есть дурная (въ художеств. отп.), но здоровая музыка, но, конечно, не на оборотъ (Риль). Относительно послѣдняго—сильнѣйшее сомнѣніе: всякая музыка непонятная для насъ тѣмъ самымъ вредна. Такъ, перво-класснику вредно слушать курсъ философіи, хотя, конечно, полезно стремиться къ возможности разумно слушать этотъ курсъ въ университетѣ. И такъ народная пѣсня, которая должна лежать въ основѣ музыкальнаго образованія, можетъ быть не замѣчательна въ художественномъ отношеніи; но въ дѣйствительности это довольно рѣдкій случай, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ (какъ у насъ) личность первоначальнаго творца стирается совершенно и творцомъ является весь народъ. О пѣменкой народной пѣспѣ Риль говоритъ, что ею именно обновлено, отъ нея «помолодѣло» искусство въ классическихъ созданіяхъ Гайдна и Моцарта, что и послѣ Бетховена она была источникомъ того чистаго классическаго вдохновенія, которое выразилось во многихъ пѣсняхъ Шуберта, Мендельсона и др. (Хочу привести два слова Рили о славянской пѣснѣ, и потому сдѣлаю слѣдующее отступленіе: Наши западники, тѣ, которымъ русская пѣсня нравится потому, что напоминаетъ испанскій романсъ (кто его знаетъ, какая уже это была русская пѣсня), воображаютъ, что Европа простираетъ къ намъ такія же дружескія объятія, какъ они Европѣ; они увѣрены, что только помутившимся головамъ славянофиловъ кажется, будто пѣмцы недружелюбно смотрятъ на славянъ. Но, къ сожалѣнію, кажется, правъ полякъ, который говоритъ: «póki s'wiat s'wiatem nie bedzie Niemiec Polakowi bratem и на оборотъ: «Polak Niemcowi». Сужденія иностранцевъ были бы проникнуты большимъ уваженіемъ къ намъ, если бы межъ нами не расплодилось столько

обезьянъ. Здѣшній доцентъ Штейнталь готовъ отдать преимущество китайцамъ передъ славянами, п. ч. у китайцевъ есть хоть какая нибудь да своя цивилизація, а мы все заграницей ума набираемся.

Въ соч. Рилы «О семействѣ» ¹⁾ говорится между прочимъ— (конецъ письма этого утерянъ т. е. не былъ доставленъ намъ г. Бѣликовымъ). (Приписка сверху въ началѣ письма). Сообщите пожалуйста мой адресъ Василию Степановичу Гнилосырову. ²⁾ Кланяйтесь ему отъ меня. Если будете скоро писать къ Шиманову, то скажите, что объ ногъ я буду къ нему писать.

IV

Третье письмо изъ Берлина писано такъ же какъ и первыя два безъ даты и безъ обращенія къ лицу. Судя по упоминанію объ изгнаніи графа Андрея Замойскаго, письмо писано или въ концѣ 1862 г. или въ самомъ началѣ 1863 года.

Не знаю, извѣстно ли изъ русскихъ газетъ о причинѣ позорнаго изгнанія Андрея Замойскаго. На всякій случай скажу, что причина эта заключается въ письменномъ заявленіи требованій польскаго народа, сдѣланномъ въ домѣ и подъ предсѣдательствомъ Андрея Замойскаго шляхтою, членами бывшаго Агрономическаго общества. Въ этомъ заявленіи, сколько помню, говорится, что Поляки «любятъ свое отечество въ тѣхъ его (географич.) предѣлахъ, какія ему назначены Провидѣніемъ и исторіею, что дѣлать и дробить своей любви не могутъ, и что поэтому не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ восстановлены границы Польши, существовавшія до перваго раздѣла». Дѣло, какъ видите, идетъ главнымъ образомъ о присоединеніи къ Коронѣ нашихъ кровныхъ, заселенныхъ нашими хлѣборобами и бѣлорусскихъ земель. До Познани еще далеко. Сегодня читаю въ Краковскомъ «Часѣ» и Львовской Народной газетѣ, что Подольская шляхта, «пользуясь правомъ, предоставленнымъ дворянству законами Имперіи», собравшись въ Каменцѣ на выборъ (10 или 12 сент.) подписала (отъ 200 до 300 чел.) и, несмотря на угрозы губернатора, передала ему адресъ на имя Государя, гдѣ говорится при-

¹⁾ Die Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen social politik B. Die Familie 5-е изд. 1858.

²⁾ Фамилія г. Гнилосырова значится въ спискѣ студентовъ историко-филологическаго факультета приблизительно за то же время, когда и А. А. Потебня былъ студентомъ Харьковскаго Университета (въ зазд. и.-ф.-го ф-та 21 авг. 1852 г. было принято къ свѣдѣнію предложеніе Ректора университета о перемѣщеніи студента А. Потебни изъ юридическаго ф-та въ историко-филологическій); окончили курсъ А. А. Потебня въ 1856 году.

близительно тоже, что и въ первомъ, не поданномъ: «Русь, добровольно и торжественно соединившаяся съ Польшею на Люблинскомъ сеймѣ, въ теченіе вѣковъ развивалась въ формахъ польской цивилизации; императорское чиновничье управленіе не удовлетворяетъ нуждамъ края; поэтому административное соединеніе западныхъ губерній съ Царствомъ Польскимъ необходимо для свободнаго развитія какъ Польской такъ и русинской (се б-то нашої) народности. Польская нація (т. е. шляхга) отказалась отъ своихъ предразсудковъ. Традиціонное стремленіе поляковъ къ расширенію и уравниенію правъ сословій, съ одной стороны, дѣятельное участіе шляхты въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса съ другой — ручается, что по возстановленіи границъ Польши, гражданамъ ея будетъ обезпечено какъ сословное, такъ *народное* и *религіозное* равенство». Выраженій не помню, но смыслъ такой. Еще одно подобное извѣстіе. Варшавскій тайный комитетъ печатаетъ въ Колоколѣ воззваніе такого содержания. «Польша, Литва и Русь, какъ пали вмѣстѣ, такъ и къ освобожденію должны идти рука объ руку. Споры о границахъ должны быть пока оставлены. По освобожденіи Польши они будутъ рѣшены поголовною подачею голосовъ. Отказаться отъ забранныхъ земель, не спросивши ихъ собственнаго мнѣнія, значило бы дѣйствовать противъ себя». И такъ спрашиваютъ нашего мнѣнія, п. ч. не отказавшись отъ своей народности, мы не можемъ забыть своего ближайшаго кровнаго родства съ простымъ людомъ Подолія, Волини, Галича и т. д. и права принимать къ сердцу ихъ дѣла. Какъ бы мы отвѣтили, еслибъ (предположимъ) мы имѣли возможность дѣйствовать въ пользу воссоединенія съ Польшею? Я дѣлаю, впрочемъ, ненужное предположеніе. Мы имѣемъ эту возможность. Она достается намъ легко, и не только не ослабляется, но усиливается правительственными мѣрами. Она состоитъ не болѣе какъ въ невниманіи, въ тупомъ равнодушіи къ своей народности, въ отсутствіи того соціально-политическаго образованія, которое связывая общество, заставляетъ всякое отдѣльное лицо чувствовать боль отъ ранъ, наносимыхъ всему племени или народу. Если пропагандѣ польско-католической не будетъ противопоставлена пропаганда украинско-православная, подобная галицкой, дѣятельности которой со скрежетомъ зубовъ отдають справедливость сами поляки, то рано или поздно Польша оторветъ отъ насъ не одинъ б. м. миллионъ украинскаго народа. «Не поможе милый Боже и воскова свѣчка», ни правительство, которое нигдѣ и никогда не въ силахъ своими суррогатами (напр. насильственнымъ обрац. въ православіе) замѣнить дѣятельность общества. (Вѣроятно кто-нибудь найдетъ несовременнымъ говорить о православіи: но довольно знать, что вѣра съ вѣками тѣснѣйшимъ обра-

зомъ связывается съ народностью, что многіе изъ насъ, отказавшись отъ вѣры въ пользу «современныхъ» идей, тѣмъ не менѣе невольно остаются невѣрующими *православными* (именно потому, что остаются русскими), ни никакъ напр. не невѣрующими *лютеранами*, что нашъ простолюдинъ, отказываясь отъ православія, мѣняетъ его на *польскій* католицизмъ. Въ глазахъ украинца, а не либеральнаго космополита, вполне достойны уваженія усилія галичанъ возстановить внѣшнее сходство уніятскаго богослуженія съ православнымъ. Мы не имѣемъ, положимъ, возможности заниматься такою пропагандою (украинской); но мы можемъ воспитывать въ себѣ тотъ духъ крѣпкой и готовой на дѣло народности, изъ котораго вытекаетъ подобная пропаганда. Это воспитаніе должно слѣлать невозможною болѣзнь довольно частую въ русскомъ обществѣ, по неизвѣстную напр. поляку, именно тоску отъ самолюбивой заключенности въ кругу личныхъ интересовъ. Всестороннес, даже только мысленное участіе въ жизни своего народа заставить забывать себя и свою мелкую скуку.

Я повторяю вопросъ: *что мы думаемъ о содиненіи съ Польшей*. Если у васъ состоялись сходки, о которыхъ мы говорили въ Харьковѣ, то не чуждайтесь общихъ разговоровъ о подобныхъ вопросахъ. Они, т. е. вопросы могутъ служить довольно сильнымъ побужденіемъ къ занятіямъ украинской исторіей и этнографіей. Предложимъ себѣ одинъ общій вопросъ подобный тому, какой предложилъ себѣ Риль относительно германскаго народа (въ упомянутомъ мною прежде соч. *Die Naturgeschichte des Volkes*), обнимающій бесчисленное множество частныхъ: какова должна быть *общественная* (не государтсвенная) политика Руси, основанная на современномъ состояніи всѣхъ классовъ нашего народа и его исторіи! Подъ современнымъ состояніемъ разумѣтся: естественное (а не правительствомъ только установленное) дѣленіе народа на классы, взаимное отношеніе классовъ, ихъ права, обычаи, степень религіознаго, художественнаго, научнаго, политическаго развитія. Исторія должна представить тѣ же стороны жизни въ ихъ движеніи какъ возрастающія или уменьшающіяся прогрессіи, изъ которыхъ будетъ видно, куда именно идетъ народъ, чего хочетъ. Нечего смущаться тѣмъ, что соціальная политика, какъ наука, можетъ быть создана только усиліями многихъ поколѣній: вѣдь и мы входимъ въ составъ этихъ поколѣній. Если даже только святые горшки лѣпять, то ужъ непременно грѣшныя хоть глину возять.

Вотъ вамъ рядъ мелкихъ и частныхъ вопросовъ, за рѣшеніемъ коихъ нужно обратиться къ книгамъ. Что такое Люблинская унія? Степень ея согласія съ требованіями украинскаго народа? Стремленія, высказанныя

нашимъ народомъ въ казацкихъ войнахъ: по отношенію къ Польшѣ, къ Москвѣ, по отношенію къ внутреннему устройству. Степень народности соединенія съ Великою Русью? Было ли это соединеніе съ правительствомъ только, чистое подданство, или и соединеніе съ народомъ? Есть ли въ настоящее время потребность соединенія съ Великорусскимъ народомъ? Если есть, то условія. Что говорить Москвѣ попытки отдѣленія Малороссіи послѣ Хмельницкаго? Что говорить полякамъ Колювщина? Что такое такъ называемые поляками Святогорцы? (Для отвѣта читать Галицкое Слово, не смущаясь внѣшнею нескладностью рѣчи). Степень народности стремленій, (а не языка) галицко-русск. литературы (Святогорцевъ)? Что говорить полякамъ современная собственно малорусская письменность?— На первыхъ порахъ слѣдуетъ ограничиться самыми доступными источниками: Костомаровымъ, Кояловичемъ и т. п. Не въ результатахъ сила, а въ пробужденіи интереса къ подобнымъ вопросамъ. Для знакомства съ приѣмами этнографическихъ изслѣдованій—I томъ упомянутого соч. Рила. Вѣроятно, кто-нибудь знаетъ по нѣмецки: пусть прочтетъ и дастъ подробный изустный отчетъ. Справится, гдѣ (кажется въ Русск. Вѣстн. за прежніе годы) извлеченія изъ Рила. Вы увидите, что этнографія должна стать самою популярною наукою, что у каждаго изъ насъ въ памяти пропасть матеріаловъ для нея, требующихъ только группировки и объясненія. Вотъ вамъ извѣстный намъ всѣмъ политико-соціальный (или наоборотъ) и вм. этнографическій вопросъ, на который по частямъ должна отвѣтить украинская и общерусская письменность: «Какими совокупностями крупныхъ и мелкихъ чертъ отличается великороссіянинъ, какъ типъ отъ малорусса? Разница въ панахъ (она должна быть), мѣщанахъ, простыхъ? Что слѣдуетъ изъ этой разницы для администратора, пана, учителя, помѣщика и т. д.? Вы видите—вопросъ, около котораго все вертится. Его рѣшенія не минешь, не свалишь на другого. Правительство не признаетъ его важности, но для собственного блага должно признать.

Опять таки: одинъ изъ васъ скажетъ: «не знаю», другой и т. д., и выйдетъ зрѣлище всеобщей скромности; не слѣдуетъ ждать отъ себя великихъ открытій, а думать нужно, и нѣтъ человѣка, который бы не нашелъ въ своей памяти факта полезнаго для рѣшенія. Наши отцы и дѣды были крѣпки въ своей народности невольно, сами того не сознавая, они могли еще оставаться украинцами; мы уже можемъ быть крѣпки *только* сознаніемъ своей особенности. Предстоитъ опасность, искавши своей народной особенности, находить не то, что есть, а то, чего хотимъ; но чистое, правдивое стремленіе всегда выведетъ на вѣрный путь.

Относительно изученія языка (безъ знанія коего всѣ украинскія стремленія построены на пескѣ) я могу повторить только извѣстное вамъ: единственный путь (кромѣ практики) внимательное чтеніе съ выписками такихъ словъ и оборотовъ, которые въ литературномъ общерусскомъ яз. не встрѣчаются. Не взыщите, если я Вамъ толкую про извѣстное и безъ меня. Вы находитесь относительно меня въ болѣе выгодномъ положеніи: все что напишите про Харьковъ, Университетъ, громаду и каждого изъ громадянъ, про Основу (русскихъ журналовъ я не буду видѣть до самаго лѣта),—все будетъ ново. Если будутъ снимать съ себя портреты наши общіе знакомые, то пусть кому оставлять и для передачи мнѣ, если ворочусь («думка за моремъ, а смерть за плечима»). Про пѣсни. (Я исписалъ этотъ листъ въ одинъ присѣсть, не разгибаясь. Этого со мной дома небывало. Я не охотникъ писать письма. Можете судить, что чужая сторона «навчить коржі зъ саломъ їсти»).

Про свою тоску въ Берлинѣ А. А. Потебня сообщалъ и А. Н. Пыпину: «Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ сдавалъ урокъ; характерно, что, сидя одинъ на одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова не относящагося къ уроку (А. Губернатиъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей бывало 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои послѣднія занятія, если бы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; *стала одолювать тоска* и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію». (Ист. русской этногр. III, 423).

22 августа 1863 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомлялъ Х. Университетъ о возвращеніи Потебни изъ командировки и о просьбѣ его поданной Министру о дозволеніи ему отправиться обратно къ мѣсту служенія въ Х. Университетъ для продолженія своихъ занятій по приготовленію себя къ каедрѣ славянскаго языкознанія. Вслѣдствіе сего Статсъ Секретарь Головинъ, разрѣшилъ Потебнѣ возвратиться къ прежней дѣятельности въ Х. Университетѣ, съ прекращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ производства ему заграничнаго содержанія по 1600 руб. сер. въ годъ, и увѣдомилъ, что новая посылка г. Потебни за границу будетъ зависѣть отъ тѣхъ средствъ, которыми Министерство Народнаго Просвѣщенія будетъ располагать на путешествіе молодыхъ ученыхъ съ 1864 года.

Съ 9 сентября 1863 года Потебня вновь сталъ подписывать въ должности секретаря историко-филологическаго факультета протоколы его засѣданій¹⁾.

М. Халанскій.

¹⁾ Въмѣстѣ съ письмами А. А. Потебни у И. Е. Бѣликова сохранилась часть черновой «Правы буквара», собственноручно писаннаго А-мъ Аф-мъ, приспособленнаго къ первоначальному обученію грамотѣ въ школахъ для малорусскаго населенія.

1. На цифрахъ до ста, или меньше, показывается ученику важность письменныхъ знаковъ для обозначенія мысли.

2. Заучивается начертаніе гласныхъ. Заученная буква пишется ученикомъ. Вообще всякій букварь дать учителю возможность вести обученіе чтенію и письму параллельно.

3. Согласныя прибавляются по одной. Всякая новая согласная входитъ въ возможно большее количество сочетаній съ гласными; слоги, не имѣющие смысла, не составляющіе слова, исключены. На этомъ основаніи слѣдовало бы переходить отъ согласныхъ, дающихъ больше сочетаній, къ дающимъ меньше; но такъ какъ численныя отношенія звуковъ нашего языка (и вообще Русскаго) еще не извѣстны, то въ принятомъ нами порядкѣ много произвола. Впрочемъ въ немъ встрѣчаются пары звуковъ, не лишеныя педагогич. значенія: *л* и *р*, *з* и *с*, *д* и *т*, *б* и *п*. и т. д. Сопоставленіе сходныхъ звуковъ облегчаетъ заучиваніе.

4. Слоги прямые (изъ согл. и гласной) предшествуютъ обратнымъ (гласныя и согласныя). Переходомъ къ послѣднимъ могутъ служить такіе обратные или средніе слоги, въ коихъ послѣдній звукъ есть *й*. Заставляя ученика произносить звуки *а* и (два слога) все скорѣе и скорѣе, можно дойти до того, что эти два звука сольются въ одинъ слогъ *ай*.

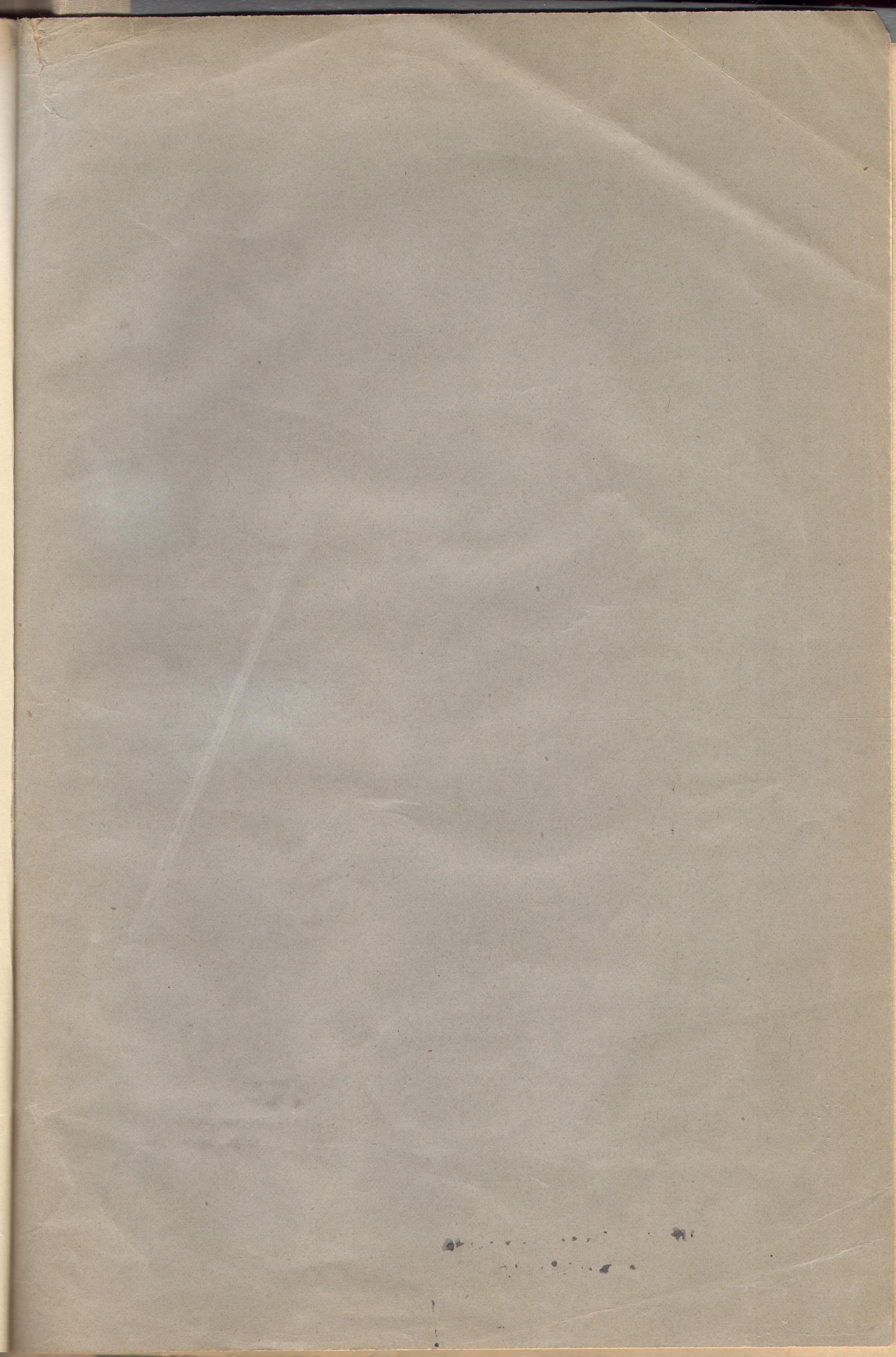
Уже при второй согласной (*л*) объясняются знаки *ъ* и *ь*. Относительно сочетаній согласныхъ принято слѣдовать по возможности слѣдующему порядку: 1) обратный или средний слогъ; 2) этотъ слогъ съ прибавкою другого слога, начинающагося согласною. Если можно, пусть оба слога принадлежать къ одному слову, а если нельзя, то можно воспользоваться двумя словами (ик—ри—му). 3) Двѣ согласныя принадлежавшія въ предыдущемъ примѣрѣ къ двумъ различнымъ слогамъ, встрѣчаются въ одномъ и томъ же (Кримъ). 4) Такимъ же порядкомъ: сначала ис—кра, потомъ скра—илі и т. д. Не вездѣ впрочемъ подобраны слова, облегчающія переходъ къ труднымъ сочетаніямъ.

5. Начиная съ буквы *к* помѣщаемъ не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя выраженія. Было бы хорошо найти подобныя выраженія для предшествующихъ буквъ. Приводимыя нами выраженія—большею частію—пословицы и загадки. Загадки имѣютъ ту выгоду, что ученикъ однимъ словомъ (разгадкою) даетъ учителю доказательство пониманія прочитаннаго. Чтеніе съ пониманіемъ (разумное чт.) должно начинаться тогда, когда далеко еще не кончено усвоеніе механизма чтенія. (На этомъ оканчивается рукопись, такъ какъ (дальше оторвана часть бумаги).—Въ Киевской Старинѣ за 1892-ой годъ напечатанъ букварь А. А. Потебни.

ЦЕНТРАЛЬНА МАУЛОНА

БИБЛИОТЕКА

№ 96296

1512